

Мизери-Кордия / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Мизери-Кордия / рассказ МИЗЕРИ-КОРДИЯ

Когда Клара ушла, Карл не успел толком погоревать.

Ему не пришлось пробуждаться под пение птиц и мучиться тем, как обыденная, наполовину сонная удовлетворенность приходом свежего дня мгновенно сменяется припоминанием утраты. Не пришлось одиноко маяться и бродить по комнатам, якобы сторонясь очевидных знаков неполноты, на самом же деле упоенно истязая себя обнаружением новых и новых. Здесь, бывало, покоилось то, там лежало се – сумочка или гребень; ныне их нет, зато валяется какая-та бумажка, которую некому подобрать и выбросить.

На все эти скорбные наблюдения у Карла не было времени. Он взял быка за рога и сразу выдал сердечный приступ.

– У вас большое сердце, – сказали ему в больнице.

– Толку-то, – хмыкнул Карл.

С ним согласились: никакого.

– Я говорю в буквальном смысле, – пояснил доктор. – Это не метафора. Оно у вас здоровенное. Такому крупному органу трудно себя обслуживать. Ваше сердце уже не годится ни к черту. Советую заменить.

Карл разместился в реанимации. Этого было достаточно, чтобы перестать думать о Кларе и поразмыслить взамен о миокарде и коронарных сосудах.

– Давайте искусственное, – вкрадчиво предложил доктор. – Вам отчаянно повезло. Нам только-только доставили последнюю модель, с какой мы еще не работали. Обойдется недорого. Вы нам подходите по всем статьям.

Тут Карл все-таки вспомнил Клару и безнадежно ответил:

– Ставьте.

Операция сделала некоторый шум, о ней рассказали в прессе. Она прошла успешно, и Карл не сказать чтобы очень, но все же довольно скоро вернулся домой с увесистым металлическим

контейнером. Там, погруженное в питательный раствор, доживало его настоящее сердце. Это явилось условием, при котором Карл согласился на замену. Его пожелание сочли выполнимым, но странным. На всякий случай к нему пригласили психиатра. Тот не нашел в Карле ничего серьезного и отразил это мнение в уклончивой записи, где подстраховался ловкими профессиональными обиняками.

Карлу объяснили, как освежать раствор в домашних условиях. Вышло дороже операции, но Карл настолько не хотел, чтобы сердце бросили на съедение больничным собакам, что ни секунды не торговался.

Оно еще билось. Сердечная мышца обладает способностью к стихийному сокращению. Карл прикладывал ухо к сверкающему цилиндру и слушал. Потом возлагал руку себе на грудь и сравнивал. Разницы не было никакой. Настоящее сердце временами сбивалось с ритма и сокращалось медленнее, но Карл полагал это вещами второстепенными. На ночь он накрывал цилиндр платком, как попугая. Платок остался от Клары – скорее, даже шаль, украшенная тощими кистями.

Дальше Карл жил один, не считая сердца. Клара медленно изглаживалась из памяти. Он все чаще прикинул к цилиндру и сожалел, что сердце нельзя покормить, как рыбку. Неделя сменялась неделей, и он постепенно начал воспринимать его как некую самостоятельную зверушку, нуждающуюся не только в уходе, но и в беседах. Иногда он ворчал, приговаривая «неймется же тебе», хотя миокард вел себя как обычно.

Однажды он вынул сердце, и здоровенный оковалок подрагивал на стальном блюде, а Карл изучал явления жирового перерождения – досадные, но милые в родном существе. Вооружившись лупой, он выискивал мелкие очаги омертвения, поглаживал бесполезные артерии и вены. Мясо трепетало. Карл был уверен, что сердце околеет, очутившись на воздухе, но со временем понял, что в этих непродолжительных прогулках нет никакой беды. Он стал выставлять блюдо на подоконник, но только не на солнцепек. Нагулявшись, сердце отправлялось в цилиндр переваривать впечатления.

– Сколько ему осталось? – поинтересовался Карл у доктора,

когда пришел на контрольный осмотр, а заодно в намерении пополнить запасы питательных веществ.

Доктор развел руками.

– Кто его знает! Современная химия творит чудеса. Оно, быть может, еще и вас переживет.

Карлу было не особенно приятно это слышать, но уничтожить сердце он уже не мог и продолжал кормить и выгуливать.

Как-то ночью он взял его к себе в постель полежать.

Почему вдруг у них случилась история, Карл и сам не знал. Сердце лежало прохладное, сокращалось мерно, а Клара не появлялась уже очень давно, и он внезапно решил, что ему будет простительно воспользоваться подручным предметом. Сердце было живое, причем свое, непонимание исключалось. Стянув под одеялом трусы, Карл брыкнул ногой, отбросил их к черту, и осторожно прижал к себе пульсирующий миокард. Он действовал аккуратно, стараясь без надобности не стискивать сердце и не вторгаться в него чересчур яростно. Легочный клапан был слишком узок и нуждался в разработке, зато аортальный – в самый раз. Карл позаботился не насиловать сердце и соизмерил свой ритм с его биением. Ему очень понравилось. Когда отгремел финал, Карл мог поклясться, что сердцу – тоже. Оно билось чаще и вроде бы энергичнее.

Эта практика сделалась постоянной.

Вливания Карла оказали на сердце неожиданно благостное воздействие. Оно укрепилось, из клюквенного стало земляничным, дольше выдерживало на подоконнике, лучше питалось. В полуночных сокращениях сердце старалось подыгрывать Карлу и замирало порой – разумеется, в шутку, а дальше, когда тот угадывал приближение разрядки, принималось неистово колотиться.

Карл гладил его, стал регулярно мыться, чтобы не занести заразу. По той же причине он воздерживался от поцелуев. Легочный клапан, за малостью обойденный вниманием, настойчиво манил его, искушая рискнуть. Карл подумывал прибегнуть к специальным смазочным средствам, и единственным, что его останавливало, была их сомнительная стерильность. Однако он все больше склонялся к этому опыту, ибо сердце возмужало

настолько, что на него садились даже мухи, оно же не терпело от них никакого ущерба.

В одно прекрасное утро вернулась Клара. Сердце лежало на блюде посреди стола.

– Я все осознала и пришла с покаянием, – сказала Клара.

Не мешкая, она повисла у Карла на шее, и в ту же секунду в комнате воцарилась мертвая тишина. Через плечо Клары Карл увидел, что сердце вдруг разорвалось надвое.

Оттолкнув ее, он метнулся к блюду. Из миокарда сочилось что-то розовое и водянистое. По скатерти уже маршировали невесть откуда взявшиеся муравьи.

– Проваливай, сука, – прорычал Карл, не сводя с блюда глаз.

Клара уронила лицо в ладони.

– У тебя нет сердца, – простонала она.

И Карл согласился, хотя для Клары это ничего не меняло.

Алексей СМИРНОВ. Некаýalar